

Лавицкая Марина Ивановна

д-р ист. наук, доцент, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»

г. Москва

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: в статье рассматриваются тенденции развития института свидетельских показаний в пореформенной России. Автор, постулируя объективную прогрессивность Устава уголовного судопроизводства, отмечает в нем наличие законодательных рудиментов прошлых эпох и определенное несовершенство уровня законодательной техники (отсутствие дефинирования понятий), частично купируемое в теоретико-процессуальной доктрине того времени.

Ключевые слова: свидетель, повальный обыск, свидетельский иммунитет, судебная реформа Александра II.

А.С. Кобликов в учебнике по уголовному процессу отмечал, что, если материальное право подвергалось коррекции и со времен императора-реформатора изменилось существенно, то уголовно-процессуальные нормы Петра I фактически оставались действующими до 60-х годов XIX века. Мы не вполне согласны с этим исследователем, поскольку определенное совершенствование процессуальных норм все же происходило: применение пыток как средство добывания сведений по делу сокращала Екатерина II, отменил ее внук Александр I, а сами петровские нормы были не столько интеллектуальным продуктом его эпохи, сколько содержали в себе элементы процессуальных норм более раннего времени, но в том, что они в начале и первой половине XIX века уже не соответствовали духу времени, а межотраслевой институт свидетельствования требовал реформирования – это можно сказать определенно.

Судебная реформа 1864 г., самая последовательная из проведенных в этот период реформ, изменила не только предварительное следствие, которое отделили от отправления правосудия, но и статус свидетеля, состоялся отход от системы формальных доказательств и переход к их оцениванию по внутреннему убеждению судей, что сохранило свою актуальность и в настоящее время. А. Кони утверждал, что процесс наконец-то оказался приближен к жизни, а не сковывался формальными рамками [5, с. 187]. Ученые считали, что цель этой реформы – создание суда «неразорительного» и «безволокитного» [9, с. 32] (И. Фойницкий), а сам Александр II в качестве её целей подчеркивал придание самостоятельности и независимости судебной власти, создание скорого, милостивого правого и равного для всех суда, то есть суда всеобщего.

Процессуалисты и криминологи, оценивая произведенные преобразования, отмечали, что помимо появления внутреннего убеждения судьи как способа оценки доказательств и фактов, на которые они указывали, суд старался отыскать истину по делу, которую разные ученые называли «материальной истиной» [8, с. 78] по делу о происшествии и о степени виновности в этом деянии обвиняемого. Такая мысль присутствует в общих положениях, предваряющих Устав уголовного судопроизводства и в трудах всех известных ученых того времени: Я.И. Баршева, С.И. Викторского, Л.Е. Владимирова, В.Д. Спасовича, И.Я. Фойницкого. Споры о том, что есть истина, процессуалисты также пытались решить в своих работах. До сих пор представляются значимыми положения, сформулированные в работах С.И. Викторского по вопросу, что есть истина, устанавливаемая судом в уголовном процессе. Он дал довольно лаконичное, и даже лапидарное ее толкование: истина – то, что соответствует действительности и что было признано таковой со стороны суда [6, с. 4].

Разработчики проекта Устава уголовного судопроизводства не просто требовали отмены существующей системы формальных доказательств, но и настаивали, что успешность реформы будет зависеть от степени внедрения в сознание правоприменителей, включая и судей, постулата об оценке доказательств по внутреннему убеждению судей. М. Чельцов-Бебутов в своем фундаменталь-

ном труде уверял, что первоначально в виде приложения к Уставу уголовного судопроизводства разработчики планировали поместить правила оценки доказательств, исходя из житейского смысла и логики, считая, что это будет актуально и целесообразно для лиц, не имеющих юридического образования, но выполняющих функции присяжных заседателей. В частности, там предполагалось разъяснить правила допустимости свидетельских показаний как доказательств, в том числе пояснялось, при каких обстоятельствах не стоит принимать «в уважение» показания некоторых свидетелей. Но в окончательной редакции отказались от каких-либо изначально заданных трактовок оценки доказательств, по-видимому, решив, что это пагубно скажется на формировании внутреннего убеждения судей.

Процессуальное положение свидетеля было регламентировано в Уставе уголовного судопроизводства, утвержденного императором Александром II 20 ноября 1864 г. Этот документ состоял помимо «Общих положений» из трех книг: «Порядок производства в мировых судебных установлениях», «Порядок производства в общих судебных местах», «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства» и современными исследователями-процессуалистами (Ф.Г. Григорьев) справедливо назван «важнейшей вехой в формировании российского уголовного судопроизводства» [3, с. 17].

Так, в ст.ст. 46 и 50 этого акта Книги первой, было отмечено, что в обращениях к мировому судье стороны должны были указывать имеющиеся у их доказательства, в том числе и наличествующих свидетелей, которых могли обязать доставить в суд самостоятельно, а могли только указать их наличие, и тогда судья вызывал их в суд.

И.Я. Фойницкий в своих трудах не только дал раскрытие дефиниции и «свидетель», указав, что это субъект, который обязан явиться в суд и сообщить об известных ему обстоятельствах, суд интересующих, но и отметил, какие обстоятельства не должны высказываться в свидетельских показаниях и влиять на них. Если суд может интересоваться обстоятельствами дела, и рядом сопутствующих обстоятельств, например, в каких отношениях свидетель находится с

обвиняемым, как он относится к лицам, участвующим в деле, то эмоции, сопровождающие события происшествия, свидетелю лучше не высказывать, ограничившись перечислением материальных обстоятельств по делу. Свидетельские показания считались самым распространенным доказательством в процессе. Однако В. Случевский уже тогда задумывается над качеством получаемой из свидетельствования информации. Этот ученый пишет, что проведенные немецким ученым Штерном исследования специфики человеческого восприятия информации, дают возможность сделать неутешительный вывод о возможности установления истины по делу с помощью свидетельских показаний, из-за особенностей человеческой наблюдательности, специфики памяти, и делает неутешительный вывод, что доброкачественные свидетельские показания, скорее, исключение, чем правило, исходя из статистических данных.

Отдельно была регламентирована возможность выездного допроса свидетелей в месте их нахождения по причине их болезни, а неявка свидетелей без уважительных причин для дачи показаний влекла за собой наложение взыскания в виде штрафа, за каждую из них, включая повторную неявку. Перечень уважительных причин, по которым в суд свидетели могли не являться, определялся в каждом конкретном случае индивидуально. Обычно к ним относились лишение свободы, непреодолимые препятствия: нашествие неприятие, разлитие рек, карантин во время заразы, тяжелая болезнь родственников и собственная тяжелая болезнь, смерть близких родственников: мужа/жены, детей или родителей, внезапное разорение от несчастного случая, несвоевременная доставка повестки.

Получил дальнейшее развитие институт свидетельского иммунитета [2]. По-прежнему сохранялось положение о невозможности допроса духовных особ о сведениях, полученных ими на исповеди, добавился иммунитет поверенных о сведениях, полученных ими в результате защиты клиента, полученных в конфиденциальных беседах с ним (то, что сейчас именуется адвокатской тайной), не могли допрашиваться и присяжные о сведениях, которые стали известны им, исходя из выполнения ими своих обязанностей. Все исследователи отмечают

важность появления запрета свидетельствовать родственникам в отношении друг друга. Хотя такой запрет был и в 1716 году («которые с челобитчиком кровным или ближним обязаны суть свойством, понеже как права объявляют, против свойственников своих сущей правды не признают»), однако в пореформенном законодательстве он оказался расширен, как выразился И. Фойницкий, из «этических» соображений. И. Фойницкий указывал, что здесь не идет речь о невозможности давать показания, эти субъекты по своему желанию вполне могут показывать, только не должны приводиться к присяге, но, по своему желанию, могут и полностью отказаться свидетельствовать. Л. Владимиров справедливо счел такие показания «подозрительными» [1, с. 306]. Дополняя его мысль С.И. Викторский, логично отмечает, что испытываемые ими эмоции мешают должной отстраненности, нужной для дачи показаний, и их должной степени беспристрастности, и сложно требовать от родственников отрешиться от чувства любви к своим близким, но с другой стороны, не искушая их присяганием, этих субъектов желательно сохранить в процессе, поскольку зачастую только от них можно получить нужную информацию по делу.

В.Д. Спасович, однако, указывает, что в ст. 705, где этот родственный иммунитет и установлен, не очерчен строго круг родственников, которые такой иммунитет имеют, что способствует развитию следственного или судейского произвола при определении круга родственных субъектов, которые отстранены от дачи показаний [7, с. 254]. Этот же исследователь говорит, что если жена отстранена от дачи показаний в отношении мужа, то почему подобный запрет не действует симметрично, и муж может давать показания против жены, действуя на общих основаниях. Соглашаясь с устранением детей от свидетельства против родителей, он предлагает обсудить, нужно ли устранять родителей от показаний против детей.

Отдельно упоминались безумные и сумасшедшие -они не при каких обстоятельствах не могли свидетельствовать. В процессуальной доктрине не все исследователи соглашались с устранением этих субъектов от дачи свидетельских показаний. Л.Е. Владимиров, например, считал, что в некоторых случаях, их

показания могут оказаться чрезвычайно полезными, но проблема их оценки вызывает большие сложности, поэтому в процессе от них вынуждены отказываться. С. Викторовский полагал, что сложности безумное состояние или состояние сумасшествия представляет непосредственно в суде, а в период происшествия сумасшедшие вполне могли что-то видеть, и часть из них может даже рассказать о событии интересующим суд, что, по его мнению, должно побудить суд решить вопрос о степени их умственной неполноценности и отнестись к их показаниям с осторожностью. Этот ученый отмечал, что под подобный запрет не подпадают показания пьяных, которых суд традиционно отправляет на вытрезвление, протоколируя факт нахождения в пьяном состоянии. Протокол может быть составлен и иными лицами: прокурором, следователем и т. п.

Однако преступники могли быть допрошены как свидетели, но либо в отношении других обвиняемых по делу, либо по тем преступлениям, в совершении которых они не участвовали. Однако очевидно, что суду следовало подходить к этим откровениям, пусть и облаченным в форму свидетельских показаний, с большой осторожностью из-за возможного оговора соучастников или даже самоговора. Оценивая показания одного и того же свидетеля, содержащие в себе внутреннее противоречие, суд должен определить временной период, в течение которого производилось их отобрание, потому что возможно уже произошло забывание части информации. Другие исследователи тоже пытались предложить свои правила оценки свидетельских показаний. Например, С.В. Викторовский считал, что сначала суд должен посмотреть, как оно соотносится с другими показаниями по делу, а если оно даже противоречит им, то надо определить, в каком положении этот свидетель находится относительно события, о котором дает показания.

Примечательно, что С.В. Викторовский определял понятие доказательств следующим образом, он считал, что со стороны лиц, не имеющих отношения к конкретному делу, это удостоверение каких-либо фактов, интересующих суд [6, с. 306]. Этот исследователь также указывал, что для того, чтоб свидетельские показания были нормально сформированы нужно, чтобы соблюдались три

обстоятельства: свидетель должен иметь представление о предмете своих показаний, что зависит от его степени приближенности к предмету доказывания, должен уметь понять и изложить увиденное должен, хотеть сказать правду, что во многом зависело, как от их личных качеств и свойств, так и от взаимоотношений со сторонами дела.

И.Я. Фойницкий дефинировал и понятие «свидетельских показаний» по своему, с его точки зрения, под ними следует понимать обстоятельство, наблюдавшееся лицом и интересующее суд, сообщить суду, о котором составляет публичную обязанность свидетеля, под угрозой невыгодных для него последствий. В отношении тех свидетелей, кто в суд явился, и уже там отказался давать показания, законодательной ответственности установлено не было, однако правоприменительная практика выработала решение в этом случае: таких свидетелей считали не явившимися и применяли к ним наказание как за неявку. Однако далее дополнительно И.Я. Фойницкий поясняет, что восприятие искомым судом обстоятельств могло быть узнано свидетелем с помощью других органов чувств помимо зрения (осязание, обоняние и пр.). Главное, чтобы это восприятие было им воспринято лично, т.е. в тогдашнем процессе свидетель желательно должен быть очевидцем, а не излагать информацию с чужих слов.

В. Случевский предупреждал, что непосредственное свидетельское восприятие может оказаться дефектным, ссылаясь на новейшее на тот момент открытие Дальтона, получившее его имя (дальтонизм), указывая, что своё дефектное в силу объективных обстоятельств восприятие свидетель может передать суду, поэтому суд, чтобы избежать этого, должен интересоваться личностными особенностями свидетеля.

Хотя, иногда как бы противореча себе, И. Фойницкий уверяет, что иногда без вторичных доказательств не обойтись. В сущности, он излагает классификацию доказательств, которые сейчас в современном процессе именуется первоначальными и производными, а тогда вторичными, третичными, четверичными и т. д., в зависимости насколько они отдалены от первоначального источника информации. В российском законодательстве (ст. 756) был прямой запрет

давать показания со слухов, и, если В. Случевский его однозначно одобряет, подчеркивая, что рассмотрение французским судом «пятеричных» показаний по слухам, без выяснения источника первоначальной информации и даже без попыток суда это предпринять, привело в деле Калласа к казни человека, то И. Фойницкий полагает, что англо-саксонское законодательство напрасно категорично отвергает саму возможность дачи показаний с чужих слов, а вот русское законодательство соблюдает здесь необходимую меру, отвергая лишь показания по слухам неизвестного происхождения в силу невозможности проверить первоначальный источник информации.

Итак, несмотря на объективную прогрессивность Устава уголовного судопроизводства, в нем тоже наблюдаются рудименты прошлых эпох (возможность неявки в суд и допроса на дому для определенных высокопоставленных должностных лиц), дознание через окольных людей, сильно напоминающее повальный обыск (кроме общего количества участников). Отметим, что, несмотря на явно повысившийся уровень юридической техники, многие правотворческие приемы еще недоступны законодателю (например, дефинирование), поэтому эти пробелы стараются ликвидировать с помощью доктринальных воззрений исследователей, и сейчас представляющих большой интерес для всех, кто интересуется развитием уголовного процесса.

Список литературы

1. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах [Текст] / Л.Е. Владимиров. – Тула: Автограф, 2000. – 464 с.
2. Волосова Н.Ю. История развития и законодательного формирования института свидетельского иммунитета в российском уголовно-процессуальном законодательстве / Н.Ю. Волосова // Вестник ОГУ. – 2009. – №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-i-zakonodatelnogo-formirovaniya-instituta-svidetelskogo-immuniteta-v-rossiyskom-ugolovno-protsessualnom> (дата обращения: 11.02.2020).

3. Григорьев Ф.Г. Процессуальное положение свидетеля в уголовном судопроизводстве [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф.Г. Григорьев. – М., 2008. – 31 с.
4. Козьявин А.А. Категория оценки доказательств по внутреннему убеждению и ее место в научном наследии А.Ф. Кони [Текст] / А.А. Козьявин // Адвокатская практика. – 2014. – №1. – С. 24–29.
5. Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных [Текст] / А.Ф. Кони // Избранные труды и речи / сост. И.В. Потапчук. – Тула, 2000. – 640 с.
6. Куцова Э.Ф. Правовые идеи приват-доцента Московского государственного университета С.И. Викторского и его учебно-методическое наследие [Текст] / Э.Ф. Куцова // Русский уголовный процесс: учебное пособие / С.И. Викторский; вступ. ст.: Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1997. – 448 с.
7. Спасович В.Д. О теории судебных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством [Текст] / В.Д. Спасович. – М.: Юридическая литература, 2001. – 335 с.
8. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству [Текст] / Г.С. Фельдштейн. – М.: Знаменский и Ко, 1915. – 187 с.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства [Текст] / И.Я. Фойницкий. – Т. 1. – СПб.: Альфа, 1996. – 552 с.